

АВРААМ ДАВЕЛИР

МОНОЛОТ
ПСИХА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Авраам Давелир

Монолог психа

«Автор»

2026

Давелир А.

Монолог психа / А. Давелир — «Автор», 2026

Необычная история, обычного парня, который решил изменить свою жизнь и упорно к этому стремился. Трудности бывают у каждого из нас и он, естественно, не исключение. А его «находчивости» преодолевать «проблемы» можно только позавидовать...«Школа - место, где меня ненавидят. Дом - место, где меня не ждут. Так куда же мне, в таком случае, идти?..»

© Давелир А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава из жизни	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Авраам Давелир

Монолог психа

Глава из жизни

На самом деле я много читал разных книг: времени у меня тут полно, уж поверьте. Мне не надо работать, не надо готовить еду. В общем, не надо париться ни о чём. Только ходить на какие-то процедуры, названия которых я до сих пор не запомнил. На них тебе буквально подтирают задницу. Вообще вся моя жизнь *здесь* — это сплошное подтирание задницы. И я не преувеличиваю.

Так. Я знаю примерно, с чего нужно начинать рассказ. Во-первых, мне надо представиться. Точно. И рассказать о себе. Да-да.

Меня зовут Марк. Марк Одрис. Я родился с «особым» строением мозга и отличался от других детей — даже если взять долбаную школу. К примеру, всегда, как мне говорили, я делал всё не так, а я же, наоборот, был уверен в правильности своих действий.

В итоге... *«Ге-ге-ге»*. Я с ранних лет проявлял странное поведение: меня не интересовала ерунда, которой занимались мои ровесники, — типа попинать мяч, купить где-то спиртное, выпить его, спрятавшись за углом, а потом гулять, пока запах не выветрится, чтобы родители не вклеили по хулиганской заднице!

Я жил с отцом. Мать от нас ушла, но иногда появлялась, чтобы дать нам денег. Навещала, спрашивала, как дела, на что я отвечал просто и понятно: «Нормально». Хотя дела мои были хуже некуда. И как вы думаете, почему?

А ещё же надо рассказать о родителях. Точно.

Как я уже сказал, я родился с «особым» мозгом. А что вы хотите? Моя мать была, есть и остаётся законченной, похотливой шлюхой — не просто какой-то проституткой лёгкого П., а именно похотливой Ш. Отец же просто — был алкоголиком. Закоренелым пьянчугой. Он надирался до беспамятства очень часто, почти каждый день — кроме тех дней, в которые он не напивался. И какой ребёнок, по-вашему, должен был родиться у такой парочки? Ну конечно, такой, как я!

Хотя я и не был дураком — просто из-за предвзятого отношения: так как у меня неполная семья, да к тому же такая «интересная». *«О да, очень интересная!»* Ребята из школы меня сторонились и иногда задирали, когда я странно себя вёл и моё поведение отклонялось от общих норм. Но, уверяю вас, я не сделал плохого никому без видимой на то причины.

На меня нередко косо смотрели родители милых и хороших отпрысков. Я же в то время был просто сыном шлюхи. Мне никто не рассказывал сказки на ночь, не гладил по голове за хорошие оценки — кстати говоря, они у меня были: я учился хорошо. Но, несмотря на это, в школу мне приходилось ходить голодранцем. Отец, хоть и был свиньёй, но всё же купил мне форму, когда я пошёл в первый класс. И я носил её три года. И за эти три года вещи поизносились настолько, что стали протёртыми и в дырках, как моя душа... Брюки и рубашку приходилось зашивать себе самому. Я практически всё делал сам. Всегда. У меня вроде и был отец, а вроде и нет.

Но, должен заметить, иногда он был свиньёй порядочной и ездил на работу. Два раза в неделю у него были ночные смены в каком-то небольшом дровянике. *«Это ещё что такое?»* — *«Неважно!»* Чего он там делал, я не имел ни малейшего понятия — и спрашивать, упаси господь, не хотел. Мы вообще с ним почти не разговаривали.

Благо жить было где. Его покойная мать оставила этому уроду дом в наследство, причём очень хороший. Но мне приходилось спать на чердаке: кто знает, что этот пьяный улюдок мог

сделать со мной, пока я сплю. Хотя, скорее всего, ничего: его не волновало, где я и что делаю. Он любил обнимать свою стеклянную бутылку, пока не потеряет сознание.

Когда приходила моя шлюха-мать и давала деньги, я сразу же оставлял часть себе, чтобы было на что покупать одежду, еду и ходить в школу не в каких-то обносках, а более-менее прилично. Хотя получалось это не особо. Вдобавок моей целью было не сдохнуть с голоду. Да, это было приоритетом. Остальное я отдавал этому козлу в надежде, что он когда-нибудь допьётся и подохнет в муках от цирроза печени. Но гад держался долго. Хотя, может быть, мне и вовсе не стоило ему ничего отдавать.

Одежду мне приходилось покупать у соседей, у которых дети выросли из формы. Иногда я давал им деньги, иногда они отдавали одежду просто так. Я, несомненно, был им благодарен. Каждый, кто давал мне хоть какую-то тряпку, которую я смог бы натянуть на тело, делал для меня больше, чем мой сёрфер-отец.

Честно сказать, я ненавидел свою жизнь. Мысли о харакири очень часто меня посещали. Но я держался, учился, хоть и отличался от других. Часто приходилось ловить смешки в спину.

Самое интересное было то, что все вокруг знали, что со мной не так, — а вроде как и нет. Сложно, да? Но я объясню.

На меня косились не потому, что знали о моих проблемах с головой. Наоборот, меня считали гением. *«Да уж куда там — гений. Тупица!»*

Мне без проблем давалась учёба. Я ловил взгляды сожаления, а иногда — ненависти за то, какие у меня родители. Но только это... Всё такое дерьмо, ведь мы не выбираем, какими они будут, — наши родители. Мы не выбираем свою внешность, как в какой-нибудь игре. То есть со «старта» вам не дают равным счётом ничего. Ни-че-го! *«Го-го-го»*.

Дерьмовая жизнь была не только у меня — отчасти это даже успокаивало: у кого-то точно хуже, и наверняка им могло повезти меньше. Может, моих ровесников вообще били родители...

Я не подавал вида, что всех ненавижу: держал это в себе. Хоть я и был странным, я эту свою «странность» контролировал. Иногда мне хотелось — очень сильно — воткнуть кому-нибудь в глаз ручку. Но на уроках я вёл себя спокойно, старался не привлекать к себе внимания. Конечно, это удавалось с большим трудом. На меня то и дело оглядывался «нормальный ребёнок». Я даже не знал, почему такой, как **Я**, учился здесь, среди «нормальных». И почему меня не отправили в какое-нибудь другое место, туда, где учились бы такие же «психи», похожие на меня?

Понимаете, ребёнок из неполноценной семьи всегда как белая ворона. Уж не представляю, с чем это связано. Может, просто дети так утверждали своё превосходство: обзывали и кидали в спину шутки. Иногда дело доходило до драк, где я всегда пытался отстаивать свою честь, но в них я всегда проигрывал, потому что меня били минимум трое. Численное превосходство решает очень многое.

Но после того как надо мной совершали физические расправы дети-шакалы, я выбирал одного и ловил его где-нибудь за углом. Ох, видели бы вы в этот момент его лицо... Этот страх в глазах — и неоткуда ждать помощи. Он умолял не избивать его, но я не останавливался, пока не был удовлетворён. Как же я наслаждался такими моментами, когда ловишь одного из обидчиков и вершишь над ним *свой* суд! И так я ловил второго, а потом третьего, терпеливо выжидая, когда эти гиены разойдутся и окажутся вне поля зрения взрослых. Затем их побитые рожи не появлялись в школе несколько недель.

Говоря откровенно, я никому не желал зла. Даже когда думал плохо об окружающих, я бы не стал никому причинять ту боль, которую проигрывал, словно песню на повторе, у себя в голове. Как привязываю их к столбу, избиваю палкой или кидаю камни... Как подвешиваю за руки или ноги, как тушку на мясокомбинате, и начинаю разделявать — или избивать, как боксёрскую грушу. Я бы не стал этого делать — конечно, если меня не спровоцировать. Такое

происходило редко, но всё же происходило. И те, кто до меня докапывался, горько об этом жалели: либо сразу — спустя минуту они уже лежали в крови и захлёбывались собственными слезами, либо спустя недели, как те немногие ребята, что избили меня в несколько рыл.

Мне действительно нравилось учиться, но я ненавидел находиться среди этих детей — своих одноклассников, которые не хотели со мной дружить и общаться.

Я наблюдал, как жирные мамы-свиньи забирают своих мелких поросят из огромного свинарника, будто из роддома. Мне же приходилось несколько сраных миль топтать до школы пешком — и так же пешком возвращаться домой, потому что я один жил так далеко от неё, и автобус за мной не приезжал. В этом плане никто не мог за меня заступиться, подать жалобу или что-то ещё. Отцу было попросту плевать, а про мать вы и так в курсе.

В тёплые деньки ещё ничего — ходил себе спокойно. Мне это даже нравилось. А вот зимой было тяжело: холодно и далеко. Но я всё равно ходил: не было выбора. Если бы я пропускал занятия, меня бы просто вышвырнули из школы, как щенка на улицу. Но такая перспектива меня не устраивала, и я в любую погоду посещал уроки.

Тетради для письма и ручки с карандашами приходилось воровать у сверстников. *«Не переживай... Их богатенькие мамы-свиньи купят им ещё».* — *«Верно... Верно...»*

Выкручивался так и старался меньше тратить и больше откладывать. Я знал, что придёт тот день, когда я свалю подальше от своего алкаша-отца, поступлю в колледж, возможно, найду друзей, девушку — и никто не будет знать о моём прошлом. Никто! Но до этого момента было так далеко...

Мне казалось, когда я был маленьким, что время попросту шутит со мной — тянется, как жевательная резинка, того и гляди порвётся. Деваться мне было некуда, оставалось только грезить о своём нескором будущем. Лучше бы меня мать отдала в детский дом! И почему она этого не сделала?! Она бросила меня с этим выродком и свалила, найдя для себя лёгкую жизнь. Как по мне, жизнь проститутки гораздо сложнее жизни алкаша. Интересно, это вообще можно как-то сравнить?

Думаю, и так понятно, что в школе мне нравилось больше: всё-таки в окружении людей, пусть и презирающих меня. Но как же было приятно затыкать их рты, когда я выходил к доске и без единой ошибки, без единой подсказки учителя сам решал задачи и примеры на доске! Быть умнее всех своих одноклассников — и не только их — приятное чувство.

Даже некоторые личности из старших классов казались мне тупицами. Но, слава богу, они меня не задирали. И на том спасибо.

Учителя же относились ко мне снисходительно: они прекрасно знали, в каких условиях я живу. Ещё они удивлялись, насколько я умён для своих лет. Со мной даже многие пытались говорить на эту болезненную тему — тему моих родителей. Разговор этот выглядел примерно так:

— Класс, все свободны. Марк, пожалуйста, задержись на минутку. Я хотела с тобой поговорить. Это насчёт родителей. У меня есть знакомые люди, хорошие люди — они могут взять тебя к себе, чтобы ты не жил в таких условиях. Я им рассказала, какой ты умный мальчик и как плохо ты живёшь.

— Спасибо, миссис Онер, но не нужно.

— Уже третий раз мы об этом говорим, и ты третий раз отвечаешь то же самое. Ты бы мог получить хорошее образование с их помощью, и тебя бы усыновили.

— Извините, но нет.

Она тяжело вздохнула. В третий раз.

— Ладно, ступай на урок.

И то же я слышал снова — не только от неё. Все разговоры были почти одинаковыми. Я всегда давал отказ.

Даже несколько раз приезжала полиция. Её вызывали наши добрые соседи. Они ходили и осматривали дом, меня. На мне не было синяков, не было никаких следов домашнего насилия.

В холодильнике была еда, но отец не разрешал мне её брать — точнее, не всегда разрешал. Точнее сказать, мне приходилось её воровать, но, разумеется, полицейским это было знать необязательно, да и говорить им, естественно, не следовало. Условия, в которых я жил тогда, были хорошими — за исключением дайвера-отца.

Также меня хотели забрать из дома: приезжали какие-то люди, серьёзные, в костюмах, разговаривали со мной. Но я знал, что они не могут просто так это сделать — без согласия. А в доме синего отца были хорошие условия — спасибо его мёртвой матери.

Так вот, забрать меня не могли, потому что отец не распускал руки, что было хорошо. И полицейские, и люди в чёрном не могли ничего сделать — это было мне на руку. Меня хоть и не били, но моя душа была исковеркана и в дырках — прямо как школьная форма. А эти крутые ребята её не видели, что тоже было мне на руку. Иначе меня бы просто упаковали в мешок и увезли.

Эти защитники приезжали один, может, два раза в месяц — с проверкой. Не зафиксировав никакого дурного обращения, они просто уезжали. Я, естественно, вешал им лапшу на уши, что у меня всё нормально, — некоторые моменты не договаривал, иначе были бы проблемы.

Чем старше я становился, тем реже они появлялись. Что ж, мне же так было только лучше.

Хотя мне понравилась одна особа в чёрном, что приезжала ко мне вместе с другими серьёзными людьми. На ней костюм сидел просто идеально, подчёркивая нужные места. Золотые волосы, собранные в хвостик тугой резинкой. Красота невероятная. А голос у неё был какой... Ласковый и очень добрый. Я бы пошёл с такой куда угодно.

Но я понимал: если соглашусь и уеду с ней, она меня вряд ли усыновит. Скорее всего, мы бы с ней больше не увиделись. Кстати говоря, именно из-за неё поток крови приливал к моей промежности так стремительно, что я не успевал на это среагировать. Такое происходило, как только я вспоминал, в чём она была и как выглядела. И у кого из мужчин, спрашивается, не бывало таких неловких ситуаций?!

Впрочем, иллюзии мои быстро рушились, как только эта женщина садилась в машину и уезжала. Вы могли подумать, что я оставался только из-за того, чтобы видеть её. Но нет. Безусловно, мне нравилось урвать немножко времени — буквально пару минут, — чтобы с ней поговорить, но главная причина, почему я не хотел уходить из дома, была в другом.

Так странно, что я пишу это всё спустя тридцать лет — сейчас мне тридцать семь. Прошло так много времени, и я многое позабыл. Но почему-то мне показалось, что именно сейчас — самый подходящий момент написать о том, через что я прошёл и что в итоге сделал.

Я не знаю, часто ли люди такое пишут и часто ли вы читаете подобное. Можно сказать, это что-то вроде личной автобиографии, только длиннее — приблизительно в десять раз. Если вы не читали подобного где-нибудь, очень быстро моргните два раза. Моргнули?! Да вы реально психи, похуже меня. «Ня-ня-ня».

Школьные деньки проходили довольно спокойно — большинство из них. С утра до обеда я находился в школе. Затем шёл домой и делал домашку сразу, а после мне надо было чем-то перекусить.

Мне каждый день приходилось ждать, пока отец не отрубится или не уедет вечером на свою работу. Этот редкого вида синий козёл... Уж не знаю, считал ли он продукты, но, когда он уезжал, я залезал в холодильник и брал немного еды. Чаще всего это были кусочки колбасы, хлеба и какие-то непонятные зелёные кругляшки в банке. На вкус они мне казались дерьмом. Причём кислым дерьмом. Но выбирать не приходилось. Я всё-таки жил в доме алкаголика, а не в супермаркете, где все полки наполнены едой.

Сладостей в доме не было вообще никогда. И я их себе не покупал — слишком дорого. Решил, что могу обойтись без них вполне. Иногда меня угощали соседи — несколько конфеток

или кусочек шоколадки, а иногда это мог быть леденец. «*Молодец!*» Но это всё такие мелочи по сравнению с тем, какие приключения происходили со мной...

Как-то рано утром на меня напали собаки — штук пять, со всех сторон, выбежали непонятно откуда. Начали лаять, кусать, цепляться за мою и без того порванную одежду. Отбиться я мог только рюкзаком, который нашёл на помойке. У него не было одной лямки — видать, поэтому его и выкинули, — но тогда это было неважно.

Мне пришлось махать им в разные стороны, ударяя собак по голове, туловищу и лапам. Слава богу, что люди в такое раннее время выходили из своих домов. Мне тогда помог один парень — бегун. Часто его видел, когда шёл в школу. Искренне не понимал, для чего люди бегают...

Он подбежал ко мне и начал распинывать собак, как футбольные мячи. Затем к нему на помощь подбежала женщина и начала махать своей сумкой в разные стороны — прямо как это делал я, — отпугивая собак.

Когда мы втроём дружно отбились от них, я упал на тротуар. Псы всё же сильно меня покусали, и, скорее всего, я потерял сознание. Помню какие-то обрывки, картинки... Женщина кричала, чтобы он, парень, быстро отнёс меня в машину. Потом — громкий хлопок закрывающейся двери и полная отключка.

Очнулся уже в больнице. Сколько пробыл без сознания — не знаю. В палате экстренной терапии не было часов, и я не мог ни посмотреть, ни узнать у кого-нибудь время. Я огляделся — рядом никого нет. Мои руки были замотаны бинтами по самые локти, а ноги — до колен. Как же сильно эти твари меня покусали! Из моей руки торчала трубка от капельницы, в меня заливали какую-то жидкость прозрачного цвета. Боли я не чувствовал, пребывал в каком-то состоянии несостояния: то отключался, то просыпался.

Более-менее пришёл в себя, когда наступил вечер. Посмотрел в окно: рыжее солнце уже скрылось за высокими постройками, и было видно лишь оранжевое небо.

Ко мне зашёл докторишка, сказал, что я проспал почти одиннадцать часов. Хорошо, что крови потерял немного: укусы не слишком серьёзные, но их было большое количество. Придётся мне полежать в палате недельку. Деваться было некуда, конечно.

Решив остаться, я подумал, что это, скорее всего, к лучшему. Здесь хотя бы меня бесплатно будут кормить, и спать я буду на удобной койке, а не на драном матрасе на чердаке.

В целом в больнице было хорошо: меня кормили три раза в день — приносили кашу, разные супы, картошку, иногда сладости. Я быстро набрался сил. Тем не менее, вставая с кровати, я чувствовал пульсирующую боль в руках, когда отталкивался ими, чтобы поднять своё тело. Сделав несколько шагов, я ощущал, как по ногам так же разносится боль. Но в целом было терпимо. Мне давали обезболивающее пару раз в день, чтобы я мог нормально спать.

Я спрашивал у доктора, сколько мне ещё тут находиться, — каждый день спрашивал. Он отвечал: «Пять дней», потом — «Четыре» и так далее.

Я так привык к больнице за какие-то несколько дней, что мне совсем не хотелось оттуда уходить. Дни летели быстро...

Интересно получается — может, это только со мной так было, — но когда ты живёшь, образно говоря, как бомж, дни тянутся, как суперклей, как смола, и ты ничего с этим не можешь поделать. А когда жизнь — «вынь да положь» («*Не мели чепуху!*»), время летит, как самый быстрый поезд — синкансэн.

Я очень сильно хотел задержаться здесь подольше, но был риск, что меня выпнут из школы, — хотя и небольшой. Решив сделать глупость, я задумал план.

Всё, что от меня требовалось, — две вещи: упасть с лестницы и сломать себе что-нибудь нарочно, оперируя теми фактами, что мне резко стало плохо. Я почувствовал боль в ногах — их свело, — и руки тоже свело. Ещё, как карусель, закружилась голова. В общем, напридумывать всякий бред.

Единственным минусом этого плана было то, что мне пришлось бы терпеть боль от сломанных костей и притворяться без сознания неизвестно сколько времени. Ведь до момента, пока меня найдут, могло пройти больше часа. Пожалуй, это была главная проблема — так я думал тогда.

И второе: мне просто нужно было после выписки взять у доктора все необходимые справки и отдать в школу, чтобы подтвердить своё отсутствие по уважительной причине. Но с этим проблем не возникло, так как они сами направили документы в школу — что было даже очень хорошо. А значит, для исполнения моего «идеального» плана оставался один шаг — шаг с лестницы.

Чтобы не вызвать подозрений... Хотя какие подозрения может вызвать ребёнок?! Вот и я не знаю. Ну оступился — ну бывает такое, что поделаться.

В общем, решил я сделать это после ужина, когда станет более-менее тихо. И это оказалось зря...

Я вышел на лестничную клетку, внимательно огляделся — никого. Подождал минутку. Спустился на пролёт ниже и остановился между двумя лестницами. Снова немного подождал, убедился, что никого нет и никто не увидит моей глупости, — прыгнул вниз, прямо на ступеньки.

И сделал я это, как рестлер: выставив один локоть вперёд и с огнём в глазах, на потеху публике — как это обычно происходит, — я должен был добить противника. Но ступенька оказалась сильнее. Я приземлился прямо на её уголок своим предплечьем и услышал отчётливый хруст. Будто кто-то откусил кусочек безе. Зефирки — каменной зефирки, которая ломает зубы при первом же укусе.

Большой глупости я не делал никогда. Хотя нет, делал. Но это всё было позже. *«Вообще-то нет. Тупее ты не делал ничего...»*

В общем, когда я упал и услышал звук хрустящей вафли, мне было не до притворства. Не думал, что ломать кости — это настолько больно. Я закричал на весь лестничный пролёт. А в вечернее время в больницах не так много народу, и эхо, поверьте, было оглушающим.

Через несколько минут ко мне подбежала медсестра. Увидев картину — я валяюсь возле какой-то пальмы между лестничных пролётов в лужице крови, — она выкрикнула достаточно громко:

— Господи! Санитара сюда, быстро!

Затем подбежала ко мне и положила под голову свой халат. Руку трогать не стала: видимо, не хотела сделать хуже или просто не умела. Хрен их поймёшь.

Не знаю, сколько я лежал на холодном кафельном полу, но так никто и не появился. Она судорожно достала телефон и начала звонить:

— Быстро санитар на лестницу третьего этажа! У мальчика открытый перелом руки!

«Открытый перелом»... Услышав это, я не на шутку испугался. Как я мог не заметить, что мои собственные кости проткнули мне кожу?! Видимо, из-за этого и была такая сильная боль.

Санитар прибежал через пару минут после звонка. Первое, что он сказал, увидев меня, было:

— Твою мать!

Да, именно мою мать! Только вот мою мать это никак не касалось. Она была слишком занята, трахаясь с очередным клиентом, — только вот я не мог знать этого наверняка.

Для меня же всё обернулось совсем не так, как я думал, и это было полным провалом.

Меня отнесли в хирургический кабинет, но самого врача не было на месте. Вкололи мне какую-то дрянь — снова, — и через минуту боль исчезла, я буквально ничего не чувствовал. Руку мою никто не трогал. Как я узнал после, только хирург или травматолог может этим заниматься, а остальные — необученные люди — могли сделать только хуже.

Что ж, я был вполне рад, что целый час валялся и ждал, когда один из них приедет, чтобы вправить кости и зашить рану. Вина за этот поступок была полностью на мне. Но я клянусь: не знал тогда, что так может получиться.

Хирург приехал к десяти вечера и явно был недоволен, что его вырвали из дома — от отдыха, от тазика, в котором он парил ноги (если они, конечно, вообще таким занимались).

Мне закрыли глаза какой-то повязкой. Услышав слово «скальпель», я почувствовал, как что-то холодное коснулось моего предплечья. Пронзающая боль — и буквально мгновение спустя темнота: я снова потерял сознание.

Проснулся в палате — снова и под капельницей. *«Кап... кап... кап...»*

Рука пульсировала и неприятно зудела. Я пытался её почесать, но не мог дотянуться: она находилась в подвешенном состоянии и была похожа на слепок скульптуры. Складывалось впечатление, будто мне пришили новую, мраморную. Я никак не мог ей пошевелить — и дотянуться до неё тоже. В конце концов просто сдался.

Тем не менее я был доволен собой: план удался, и я прикован к шикарнейшей койке ещё на несколько недель. Впервые за долгое время я засмеялся.

Вошёл докторишка и сказал, что мне придётся теперь минимум три недели находиться в больнице: перелом был очень серьёзным. Он спросил, как же я так умудрился, и я заранее рассказал ему отрететированную историю — мне поверили. Стоило огромных усилий сдерживать свою радость в тот момент. Но всё было не так гладко, как я себе это представлял: появилась моя мать-шлюха...

Три недели рая — как мне хотелось — стали сущим кошмаром. Она практически не отходила от меня, господи. Весь день она сидела со мной — почти с раннего утра и до вечера, пока её не выгоняли из палаты. Представьте: ребёнок, который не знал о своей матери почти ничего, кроме того, сами знаете чего, находился с ней долгие-долгие часы. Как же это было мучительно! Она кормила меня, помогала сходить в туалет, держала за пипирку. В такие моменты я задумывался... *«Ты слишком много задумываешься, мелкий засранец, закрой свой рот!»*

Мысли — каждый день одни мысли о том, чтобы не послать её куда подальше. Но почему-то я этого не сделал.

Я говорил, когда твоя жизнь — дерьмо, время тянется... Три недели, которые могли стать лучшими в моей жизни, превратились в дерьмо. Каждый день, каждого дня, я молил все высшие силы, чтобы она ушла куда-нибудь по делам своим. По своим *шлюшым* делам. Но всё было тщетно. Три недели превратились в долгие три месяца — мне казалось, что это именно так.

Единственной радостью было то, что каждый день она приносила что-нибудь вкусненькое. На это я отвечал «спасибо» и старался больше с ней не разговаривать.

Собацьи укусы зажили, и бешенства у меня не было. Я чувствовал себя хорошо, но всё же хотелось поскорее вырваться отсюда. Мой план, как я думал, был беспроигрышным вариантом к сказочной жизни — пусть и ненадолго.

Мне не давал покоя только один вопрос: как?! Как они нашли номер моей матери и сообщили ей, что я нахожусь здесь? Неужели кто-то пользовался её услугами?! От этой мысли мне стало смешно. Была вероятность, что кто-то трахал мою мать и лечил меня одновременно...

Резиновые дни закончились — настал конец моим мучениям: приближалась дата выписки. За неделю до того мне сделали рентген и сказали, что кость срастается хорошо. Доктор очень удивился — говорил, что такие переломы заживают минимум полтора месяца. Моя же костяшка срослась за две недели. В общем, он решил, что это в силу моей юности, и не стал больше об этом говорить. Только предупредил, что об уроках физкультуры я должен забыть минимум на месяц, а после выписки проходить с гипсом недельку — и только потом его снимут. На этом мы и разошлись.

Неделя закончилась. Меня доставили домой, и моя мамаша снова упорхнула, как бабочка. Ночная бабочка... И некоторое время я её не видел. Перед уходом она дала мне денег. Я решил, что отец от меня не получит ничего, — и, забрав всё себе, стал богаче на целую тридцатку.

Почти за месяц моего отсутствия ничего не поменялось. Конечно: за всю мою жизнь здесь ничего не менялось, а тут — всего месяц. Во всяком случае, видеть пьяную рожу отца было лучше, чем мать. Он даже не спросил, откуда у меня гипс.

Всё вернулось на свои места: отец пил, мать «работала», иногда заглядывая к нам, а я продолжил ходить в школу. Время шло, школьные дни заканчивались, до каникул оставалось совсем немного.

По поводу каникул у меня было какое-то двойное мнение. Мне вроде и хотелось, чтобы они наступили, а вроде и нет. Нет — по той причине, что я не знал, чем себя занять. Тем более когда ты постоянно дома, а там находится «джинн» — правда, желания он не исполнял. К моему большому сожалению.

В школе было куда лучше: хоть я и не разговаривал ни с кем, кроме учителей, но зато был подальше от дома.

Начальная школа медленно, но уверенно всё же подходила к концу, и это не могло не радовать. Ведь чем старше я становился, тем быстрее мог свалить куда подальше. Но ждать было ещё так долго... Мне на тот момент было десять или одиннадцать лет — точно не помню. Да и какая разница?!

Что ни говори, а в начальной школе учатся тупицы. Мои ровесники вообще не умели себя вести. Их дисциплина на уроках была на уровне помойки — если, конечно, так можно выразиться. Но, с другой стороны, почему нет?! И я не говорю, что все были плохими — конечно, нет. Но большинство из класса вели себя как идиоты. Хотя иногда они вели себя как полные кретины.

Вообще начальная школа — это бесов ад, где в классе около двадцати отродий, и все они почти совершенно не контролируемые.

На каникулах я, можно сказать, не делал почти ничего. Гулять и дружить мне было не с кем, поэтому я много времени проводил дома, закрывшись на чердаке. Приводил одежду в порядок — занимало это немного времени. А вечером, когда становилось темно, вылезал из дома, чтобы порыться в местных мусорных баках, помойках. И, должен сказать, очень часто выкидывали много чего полезного.

Можно было найти одежду — чуть порванную, поношенную, буквально с несколькими дырочками. Чуть подработать — и будет как новая! Летом мой гардероб пополнялся минимум одной парой ботинок, штанов, несколькими футболками и рубашками. Иногда везло найти носки — точнее, я их находил чаще всего, только не своего размера.

Занашивал одежду, как говорится, до дыр. А уже после, обычно в середине года, обращался к соседям за помощью.

Иногда на помойке находил еду. Да, жизнь не сахар, но что делать? Деньги я старался особенно сильно не тратить, потому что знал: они мне пригодятся в старшей школе. Однозначно пригодятся. Поэтому усердно копил.

Но тем не менее, каким бы я ни был Скруджем Мудаком... или Макдаком... В общем, скрягой, жадным донельзя селезнем, тратить мне приходилось. Ибо жадины из соседних домов не всегда были благосклонны ко мне: одежду, особенно зимнюю, отдавали только за наличку. Выбора у меня не было, приходилось брать. Всяко дешевле, чем в магазинах.

К окончанию начальной школы я накопил почти шестьсот долларов. Достаточно большие деньги для ребёнка, но всё же казалось, что этого мало. Мне приходилось тратить — иначе бы я подох с голоду в какой-нибудь канаве или просто бы замёрз без тёплой одежды. Как вы

помните, я всегда ходил пешком. Если бы я не тратился, сумма могла бы быть в три, а то и в четыре раза больше. Но тут уж как есть, так есть.

Итак, каникулы закончились, начальная школа тоже — я выдохнул: часть пути позади. Мне хотелось верить, что дальше будет легче, но становилось только сложнее.

Средняя школа, на удивление, прошла спокойно — особо рассказывать нечего. Я не избивал сверстников, они тоже меня не трогали. *«Ты хочешь сказать, что все после младших классов поумнели?» — «Определённо!»*

Безусловно, мне было так лучше. Конечно, не обходилось и без насмешек, но это всё мелочи по сравнению с тем, что происходило в старшей школе. Я бы выделил три этапа системы — вот как всё это происходит...

Первый — начальная школа. Дети совсем ещё ничего не понимают, ведут себя ужасно, шутят за спинами тех, кто не такой, как они. Но редко говорят это в лицо. Устраивают драки — ненастоящие драки. Чаще всего это происходит понарошку. Учатся лениво и неохотно. Не все, разумеется, но большинство.

Есть прилежные ученицы — умницы и красавицы. Не всегда красавицы, но всегда умницы. Такие девочки обычно держатся парами. Им хочется радовать родителей или же они просто боятся получить ремня — два варианта, и у каждой из них свой.

Какие ученики есть в каждом классе, описывать достаточно долго, но если вкратце... В любом классе всегда есть:

Тот самый задрот, что играет в игры в своём телефоне и делает это чаще остальных — даже на уроках. *«Ты бы делал так же, если бы у тебя был телефон».* — *«Это для меня слишком большая роскошь».*

Далее идёт девочка-воображала. Она думает, что лучше всех, стараясь всем своим видом это показать — такая Звёздочка с большой буквы.

Тихоня — как правило, тоже девочка, которая не шибко умная, но и не тупая; серая мышка.

Толстушка — куда же без неё. «Скелет», но — уж не знаю, с чем это связано — всегда девочка-толстушка и девочка-скелет дружат, дополняя друг друга. Удивительно, как противоположности притягиваются!

Задира — их может быть несколько по той причине, что вдвоём не так страшно нападать. Они цепляются ко всем без разбора.

Малыш, по которому сохнут все девочки класса, — почти все. Этаким сладкий эклерчик... *«Чик... чик... чик...»* класса. Можно потрогать, но есть нельзя. Да и трогать не всегда.

И так далее. Думаю, каждый из вас мог узнать либо себя, либо тех, кто учился с вами.

Кстати говоря, учителям обычно плевать на детей — но только не на отличников. Они находят свою «золотую птичку» и всегда ставят её в пример абсолютно всем. Раздражало, но в классе отличником был я. Только вот в пример меня не ставили — конечно, нет. Кто захочет походить на потрёпыша?!

Второй этап — это средняя школа. В ней уже дети не ведут себя как идиоты: они понимают, что такое дисциплина — в общих чертах. Ты уже не слышишь на уроках так много криков, как в первых классах. По составляющей ничего не меняется, почти: те же любимчики учителей, те же любители булок и т. д., и т. п. Единственное — к вам приходят новенькие, причём каким-то страшным потоком, и не всегда понятно почему. Точнее, вообще не понятно почему.

Меня жутко бесит, честное слово, когда вызывают с места с просьбой рассказать о себе, о своих хобби, родителях, собаке и многом другом.

Большинство говорит одно и то же:

— Моя мама самая лучшая, она работает мастером по маникюру и наращиванию бровей, у неё своя студия в городе, а мой папа работает в автосервисе и продаёт разные машины — папа это любит. Я же, когда вырасту, хочу стать моделью и сниматься в рекламах сока и шоколадок.

Ну как вам?! И такое заявление — почти от каждой девочки в классе! В школе тупее ничего не услышишь, чем это. Хотя, возможно, я говорю это потому, что у меня не было нормальной семьи и я с детства живу без неё. Может быть, я бы говорил такие же нежности о своих родителях и о том, как хочу стать космонавтом, если бы всё было хорошо. Я слишком рано познал реальность взрослой жизни...

Вообще о себе я старался много не рассказывать, когда выходил к доске. Меня не особенно слушали: никому не была интересна жизнь оборванца.

На самом деле, возможно, я мог добавить чуть больше деталей, рассказывая о себе и о своей семье. Может, я бы тогда сблизился с ребятами — кто знает. Но я каждый раз был краток, чтобы не получать множество вопросов, отвечать на которые не очень хотелось.

Номер три по списку — старшая школа. Здесь уже всё сложнее.

Здесь очень «добрые» сверстники: они всегда замечают, когда тебе хочется пить, и с удовольствием помогут глотнуть воды из унитаза. Честное слово, на вкус она как вода из-под крана — если, конечно, в неё заранее никто не помочился. Да, старшая школа — не *слишком* сказка.

Дети, точнее уже подростки, умнее и изобретательнее. Хотя, знаете, можно ли назвать умным человека, который плюёт в тебя бумагой или ластиком из шариковой ручки, находясь в другом конце кабинета; приклеивает твою задницу прозрачным клеем; стягивает штаны с трусами, пока ты висишь на турнике в спортзале? И много чего по мелочи.

Умные такие ребята или нет — вы решайте сами, но изобретательности им точно не занимать.

Чаще всего подобные шуточки проходили внутри класса — так сказать, в знакомом кругу. Я несколько раз достаивался чести испить из «святого источника», быть оплёванным «верблюдами», оголить свои гениталии на перекладине, как стриптизёр для девушек.

Правда, никто на это откровенно не смотрел: они сразу смущённо прятали глаза и пищали. И было бы странно, если бы они тарасились на *это*.

Само собой, обидчиков я своих наказывал — только когда мы оставались наедине, чтобы никто не смог мне помешать совершить расправу. Кого-то я ловил в туалете и бил головой об унитаз, пока не пойдёт кровь, кого-то ловил по дороге домой. Нападал сзади и ломал пальцы — с огромным наслаждением. Каждый палец хрустел, как разломившаяся вафля. Естественно, я старался делать всё так, чтобы было непонятно, кто обидчик.

Во времена старшей школы я частенько ходил в синяках. Сверстники не избивали меня слишком сильно: так, может, удар кулаком в плечо или в лицо, неожиданный пинок... Мелочи, в общем.

Какой можно сделать вывод из всего этого? Самая дерьмовая школа — старшая школа. Там полно изобретателей, и в любой момент ты можешь стать «помощником» в их нелёгких делах.

Я окончил старшую школу, скажу честно, не без труда. Потому что там что ни день — то «посвящение». И в школе жизнь — дерьмо, и дома... В принципе, мне некуда было деться от всего этого. Приходилось покорно — почти — терпеть всё.

Но тут была и светлая сторона — правосудие! Безусловно, мне нравилось причинять людям боль, но я бы никогда не стал вредить тому, кто этого не заслужил. Я говорю о ребятах вроде меня. На все издевательства я отвечал тем же — но позже. На следующий день после своего возмездия я обычно не видел этих уродов. Даже полиция приходила выяснять, что случилось, опрашивала всех. Но кто заподозрит обычного сына «матери лёгкого поведения»?!

К старшей школе я уже накопил достаточно хорошую сумму денег и был готов уезжать из этого проклятого дома. Но оставалось ещё чуть-чуть подождать — буквально каких-то пару лет. Энтузиазма у меня хватало: даже школьные «проблемы» со сверстниками меня не вгоняли

в депрессию. Я знал, что всё дерьмо, которое со мной происходило тогда, закончится. Но как бы не так...

Попрощавшись со старшей школой навсегда, я сдал все экзамены на отлично и получил свой аттестат. На праздник оставаться после его вручения не стал. А зачем?! Этих уродов я всё равно не увижу — и это хорошо. Меня абсолютно не волновало, что, как и когда с ними будет. Моего отсутствия, скорее всего, никто в тот день и не заметил.

И вот я — с кругленькой суммой в кармане, а точнее, тысячей двести долларов. Весьма неплохо накопил за школьные годы! Полный уверенности, что моя жизнь после переезда изменится, я стал собираться.

Мне не хотелось выглядеть в новом месте как оборванец, и я отправился по магазинам. Купил себе сумку под новые вещи, полностью выкинул своё старое тряпье, оделся как человек. Не слишком дорого, конечно: всё-таки деньги мне были нужны там, на первое время.

Я приобрёл: новые джинсы, несколько рубашек классического цвета, кроссовки, пару толстовок, тёмные очки (не знаю, зачем я их купил), туалетные принадлежности, постельное бельё, духи, телефон — у меня никогда его не было. И на всё ушло почти пятьсот долларов. *«Негусто. Обычный сын шлюхи смог купить себе приличную одежду».* — *«Неужели это совесть проснулась?!»*

Но тем не менее у меня ещё оставались деньги. Транжирить их я не собирался, на тусовки ходить — тоже. Только еда; возможно, я бы радовал себя мороженым. Я был полон мотивации начать новую жизнь: учиться и найти подработку. Вряд ли бы мне кто-то финансово помогал.

Порывшись в доме как следует, я нашёл свои документы. Паспорта, само собой, там не оказалось, потому что мой дорогой папаша не позаботился, чтобы я вовремя его получил. Как это делают, я тоже не имел никакого понятия. Всё, что мне оставалось сделать, — это пойти в паспортное агентство. Где оно находится, мне также было неизвестно.

Я тогда сел на старый диван, что был весь в пыли десятилетней давности, и стал думать, как поступить. Отца в тот день не было, и я был рад, что свалю и не увижу напоследок его пьяную рожу.

И ещё в тот день меня не то чтобы беспокоили, но надоедливо так вертелись в голове мысли по поводу матери. Точнее, почему она об этом не позаботилась? Она же приезжала давать денег — скорее всего, это была её единственная функция. Дождаться её и спрашивать я тоже не хотел. Представляю, сколько бы она вопросов тогда задала! А ещё была вероятность, что я мог вообще никуда не уехать...

Около часа я пытался принять решение, что же мне делать. В итоге решил: собрать все свои новые вещи, сложить документы — все, которые удастся найти, — в папку и отправиться на поиски.

Я выглядел очень даже хорошо: некоторые девушки мне улыбались, и это было так приятно. Я никогда не был уродом — мне просто нужна была правильная одежда. Я начал спрашивать у прохожих, и мне охотно подсказывали дорогу. Кто-то даже говорил, что я хорошо выгляжу. *«...Вот так просто, как „здрасьте“...»* — *«Да, и вот он, новый мир!»*

Найдя то, что искал, я сразу же пошёл напрямик к окну, объяснил ситуацию и спросил, что мне делать. Девушка, сидевшая за стеклом, всё объяснила — очень приятная особа. Она рассказала, что и как, а ещё кинула одну неприятную новость: пройдёт минимум месяц перед тем, как я получу паспорт.

Я спросил, неужели ничего нельзя сделать по-другому. На что получил ответ:

— Если вам нужно как можно скорее, то можно написать заявление на ускоренную обработку данных и доплатить за это 260 долларов.

Моя челюсть буквально отвисла. Мне либо ждать месяц на вокзале или в каком-нибудь подъезде, либо отдавать треть своих денег — и всё равно ждать, грубо говоря, на улице. Я решил, что домой больше не вернусь. Никогда.

Я кивнул девушке, поблагодарил её и отошёл в сторону: нужно было подумать. Прокручивая варианты снова и снова, я не мог прийти к какому-то конкретному выводу. Я даже гостиницу снять себе не мог, потому что попросту не знал, как это делается! *«Дьявол, да ты просто пропадёшь в этом новом мире, вернись домой»*. — *«И не мечтай!»*

Но даже если бы я и знал, перспектива терять деньги для того, чтобы ночевать не под мостом, была не очень хорошая.

Ситуация, в которой я оказался... кхм... оказалась сама по себе неприятной, мягко говоря. Я надолго завис: даже не заметил, как наступил вечер и мне сказали, что здание закрывается, — пришлось уйти.

Остановившись у входа, я посмотрел наверх. Этот многоэтажный домишко был таким высоким — даже крыши не было видно, даже козырька. Пока я рассматривал его, вышла та самая девушка, поздоровалась со мной, и мы немного поговорили.

— Вы так и не ушли отсюда? У вас какие-то проблемы с паспортом?

Она так непринуждённо говорила, так легко и ласково, что я терялся в ответах. Мне за всю жизнь — не в деловом формате, разумеется, — больше слов никто не говорил.

— Да, немного. Мне нужно уезжать на учёбу, а из-за моего отца...

Я рассказал ей про свою ситуацию в общих чертах. Не стал упоминать про мать.

— Знаете, — заговорила она после моего рассказа (даже ни разу не перебила!). Представляете, воспитание у этой девушки было королевским — я был в восторге. *«Ты слишком преувеличиваешь её значимость, перестань выпендриваться»*. — я, возможно, смогу вам помочь, — продолжила девушка.

— Марк, меня зовут Марк, — не знаю, как я понял, что надо представиться именно в этот момент, но я это сделал.

— Я могу вам помочь, Марк. Моя тётя работает директором в одном... кхм... месте, у неё есть связи. Думаю, я смогу с ней поговорить. При хорошем раскладе вам сделают всё за два-три дня.

Честно скажу, мне хотелось закричать от восторга — как же повезло в тот день! Точно какие-то высшие силы хотели, чтобы я свалил из этого города. Переночевать на улице два-три дня было проще простого. Я поблагодарил её от всего сердца.

— Тогда я возьму ваш номер телефона и завтра утром позвоню, скажу, куда нужно будет приехать, — улыбнулась девушка.

После этих слов моя радость улетела куда-то... Растаяла. Проблема была в том, что у меня не было сим-карты. Я позже узнал про телефоны, которыми можно было пользоваться без этой пластиковой штучки, — и стоили они дешевле. Я потратил почти восемьдесят долларов на новый телефон, и, кажется, меня надули. *«Он заливает, не нужно этому верить»*.

Объяснив ей, в чём проблема и как я «упал в лужу», я замер в ожидании. Она засмеялась — таким смехом, не осуждающим, а скорее добрым и понимающим. Стало так тепло на сердце — ничего подобного я не чувствовал никогда.

Я тупо стоял и улыбался, как контуженный, пока она смеялась. И когда приступ веселья прошёл, она спросила:

— А ты не хочешь снять очки? На улице уже вечер и достаточно темно.

«Вот идиот!» — пронеслось в голове. Я *слишком* не заметил, что стою в этих солнцезащитных очках? А я же так и в здание зашёл... И когда мы успели перейти на «ты»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.